

ЗАСЛОН

Литрес

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

ДОЛБОЛЁТ

Дмитрий Петров Долболёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69214732

SelfPub; 2023

Аннотация

Миссия по переселению человечества на новую планету шла успешно, пока не появился Ямов.

Дмитрий Петров

Долболёт

Ямов держался уверенно, несмотря на тяжесть обвинений, которые могли быть ему предъявлены. Заявил, что не собирается прятаться за тысячей лет и спинами товарищей и просил суд не стесняться. Скорее, больше нервничал судья, и это немудрено: на Земле институт суда был упразднён уже тысячу лет назад по причине ненужности в обществе, давно свободном от дрязг и склок. В общем, все, кроме Ямова, чувствовали себя неловко – и суд, и обвинение, и защита, наспех собранные по образцу тех варварских времён, в которые наши предки и сгубили нашу родимую планету. Впрочем, какой это суд? Скорее расследование или выяснение причин...

– Какова ваша версия провала миссии? – судья задал свой первый вопрос.

– Как я уже изложил в своём отчёте, – отвечал Ямов, – я возлагаю провал миссии на ошибки в расчёте концепции. Чужая планета – вот главный фактор непредсказуемости, и он возобладал над всеми остальными.

– На чём основывается ваша версия?

– Моя версия основана на здравом смысле и моём опыте! Он произнёс это вспыхнув, отринув всякую вежливость и терпение, чем заставил присутствующих попускать глаза.

Стыдно сомневаться в словах единственного в истории тысячелетнего героя. Судья крикнул.

– Никто вас не обвиняет, мы просто пытаемся восстановить события.

Ямов с достоинством кивнул, и судья задумался, старательно формулируя следующий вопрос.

– Суд просит вас изложить события по порядку.

Ямов поднял лицо, словно вспоминая всё произошедшее за тысячу лет. А ведь он единственный, для кого эти десять веков уложились всего лишь в пять хоть и очень насыщенных дней.

– Высадка нашей миссии прошла в штатном режиме. Были разгружены жилой модуль, склад биологических образцов – так называемый ковчег, и промышленный модуль Заводозавод.

– Всё в штатном режиме?

– Абсолютно. Простившись с капитаном Гагариновым, я поднял корабль, чтоб совершить запланированный виток, и спустя сорок восемь земных часов по времени корабля вновь приземлился на Новой Земле.

– Сколько прошло времени на планете? – уточнил судья словно извиняющимся тоном исключительно для протокола.

– Тысяча земных лет, – отчеканил Ямов.

– Что же вы увидели, приземлившись?

Ямов так горестно вздохнул, что его скорбь словно брызнула из него и передалась всем присутствующим.

– Я нахожусь здесь всего на несколько дней дольше вас, ваша честь, уважаемый суд. И, я полагаю, всех нас ждёт ещё много печальных открытий и разочарований... – Ямов остановился, чтоб справиться с чувствами, – Что же я увидел? Люди, став заложниками суровых условий этой планеты, деградировали до состояния земного средневековья. Клевер и кролики – очевидно, наиболее жизнеспособные виды – расплодились по всей планете. Мне грустно осознавать, что тысячелетняя миссия освоения Новой Земли, на которую человечество возлагало так много надежд...

Он остановился. Каждый из присутствующих словно почувствовал такой же ком в горле, как у Ямова. Над судом повисло молчание.

– Что вы можете сказать по поводу культа вашей личности у населения этой планеты? – осторожно спросил судья.

Ямов пожал плечами.

– Очевидно этому культу уже тысяча лет. Однако я ничего не могу пояснить по поводу его возникновения – для меня самого это сюрприз. И притом неприятный. Во всей сложившейся ситуации меня радует только то, что основная группа привезла с собой и новый ковчег, и заводозавод, что, конечно, даёт человечеству второй шанс.

– Только теперь этим шансом предстоит воспользоваться не десяти тысячам человек, а десяти миллиардам, – задумчиво добавил судья, а Ямов в тон ему сокрушённо кивнул.

– Ваша честь, мы предлагаем заслушать свидетеля, – ни с

того ни с сего предложил представитель защиты. Тысячу лет назад ни один судья не стерпел бы такого нарушения процессуальной субординации, но теперь, в общем, и не существовало таких понятий. Да и никаких судебных кодексов не было, так что судье ничего не оставалось, как удовлетворить ходатайство.

К суду вышел местный шаман, за которым прибывшие наблюдали уже неделю. Он производил унылое впечатление от того, как низко может пасть в своей деградации представитель возможно самой развитой расы во Вселенной. В отличие от остального населения он не боялся «старых землян», не проявлял агрессии, и даже считал своей миссией контакт со вновь прибывшими. Кроме того шаман, который называл себя митрополитом, обладал хотя бы обрывками знаний – путаясь владел алфавитом, а остальное додумывал и импровизировал, что типично для лидера первобытного общества. Он отказался подниматься с колен в присутствии Ямова, которого называл исключительно «О, великий». Со слов шамана Ямов принёс людям чудеса и знания. Сам Ямов на эти речи лишь устало вздыхал, мол, что возьмёшь с сумасшедшего.

На вопрос о том, кто сжёг корабль, на котором прибыл Ямов, Шаман отвечал, что в храме Ямова поселились злые духи и лукавыми голосами произносили искусительные речи. Огнём и молитвами они были навсегда побеждены. В общем, своими показаниями полоумный шаман лишь подтвердил правоту версии Ямова.

Но Ямов лгал. Он отчаянно врал, и тысяча лет, что надёжно отделяла его от правды, вместе с предпринятыми им мерами гарантировала вечное сокрытие тайны гибели миссии. И эта правда заключалась в том, что Ямов не просто жалкий раздолбай, а губитель всей человеческой расы.

Люди давно осознали, что Земным ресурсам приходит конец, и идеи о поиске новой планеты для жизни звучали ещё в самой глубине веков. Самые ранние где-то ещё до XX века. К XXII веку, когда техническая возможность космического путешествия была решена, перед человечеством стоял этический вопрос вторжения в чужой мир – вдруг он населён иными существами, кои пострадают от появления человека так же, как в своё время земные виды. Только к XXIII веку было доказано не только эмпирически: Вселенная настолько велика, что вероятность встретить кого-то живого и разумного, даже если он и есть, составляет один к шестидесятизначному числу. Это невероятная цифра: для сравнения – в легенде про шахматы и зерно было всего лишь двадцатизначное число.

Итак, земные учёные нашли новый мир в системе Тау-1 Акробата. Это была планета, которую окрестили Новой Землёй – как младшая сестра Земли, моложе на пять миллиардов лет. К ней-то и была отправлена миссия из десяти тысяч человек, которой предстояло за тысячу лет подготовить планету к переселению десяти миллиардов землян.

Простившись с капитаном Гагариновым, Ямов поднял корабль. Такова была инструкция: покуда земляне осваивают новую планету – начинают земледелие, разворачивают промышленность – корабль под пилотированием Ямова делает петлю со скоростью света, чтоб вернуться через пару суток бортового времени и тысячу лет на Новой Земле. Делалось это прежде всего ради сохранения конструкции и механизмов корабля. Подстраховка. К прибытию на Новую Землю десяти миллиардов старых землян корабль не должен состариться на тысячу лет.

Настроение у Ямова было прекрасное. Его ничуть не огорчало, что он переживёт всех своих друзей на тысячу лет. Напротив, Ямов видел в этом одни лишь плюсы, ведь он останется единственным участником великой миссии, а это значит почёт до конца жизни.

Кроме того, Ямов придумал проверить одно дельце, которое должно было его обогатить и стать памятником его изобретательского таланта. Как единственный человек в истории, которому суждено совершить временной прыжок в тысячу лет, ушедший Ямов задумался над тем, возможно ли употребить это обстоятельство себе на пользу. Размышления привели его к идее о том, что некоторые земные вещи поднимаются в цене с течением времени. Это могут быть, во-первых, акции, или дорогие автомобили, или виниловые пластинки, или даже коллекционные кроссовки. Можно вы-

брать что-то подходящее. Ямов перебрал тысячу вариантов и остановился на вине. Конечно, это была контрабанда, но Ямов не был бы Ямовым, если б это его остановило. Ведь виноват тот, кто попался, а кто не попался, тот и не виноват.

Он подошёл к своей задаче обдуманно, не наобум. Пристально изучил планы освоения Новой Земли, позаботившись о надёжном месте для тысячелетнего хранения своего сокровища. Там, на планете, Ямов улучит минутку и незаметно сгоняет на «мухе» к выбранной точке. Точка – конусный холм вблизи координат высадки – он использовался как визуальный ориентир на случай ручной посадки и должен был сохраниться нетронутым все эти годы. Когда Ямов вернётся и раскопает сорок бутылок тысячелетнего вина, то сразу же сказочно разбогатеет. Таков был план.

Взлёт Ямов доверил компьютеру. Человек, добившийся в этой жизни всего, может позволить себе отдохнуть – корабль справится сам. Но расслабиться не получалось. Подозрительная вибрация, и выход на орбиту такой долгий, словно корабль тяжёлый. А почему?

– Выход на орбиту завершён, – отчитался компьютер, – приготовьтесь к световому ускорению. Включаются межгалактические двигатели: пять, четыре, три...

– Может, стоит тормознуть ускорение? – прикинул Ямов, но не тормознул.

И всё же ему не давал покоя этот странный старт. Словно с грузом. А с чего бы кораблю быть с грузом? Ведь всё от-

гружено: жилой модуль, склад и заводозавод... Заводозавод!

У Ямова похолодели ноги. В следующее мгновение он уже силился вспомнить, не капитан ли Гагаринов должен был проконтролировать отстыковку заводозавода, и понял, что нет. Затем Ямов безуспешно силился придумать, что же ему теперь делать, тупо глядя на табло отсчёта времени. На Новой Земле прошло три года с тех пор, как он оставил переселенцев.

Заводозавод. Десятивековая мощь человеческой воли. Гениальное изобретение – разложить все достижения человека в цепочку для того, чтоб за короткий промежуток времени создать на планете, где кроме грунта и воды ничего нет, промышленность! Оборудование заводозавода позволит запустить добывающую, обрабатывающую, энергетическую, а вкупе с содержимым «ковчега» – и сельскохозяйственную, лёгкую и пищевую индустрии. С помощью заводозавода люди пройдут путь своих праотцов за пять лет – от каменного рубила до межгалактических кораблей.

Оставив людей без этого инструмента, Ямов, по сути, бросил их на голом камне и погубил те десять миллиардов человек, что прибудут на Новую Землю через тысячу лет. Прибудут и поймут, что же тут на самом деле произошло, и кто в этом виноват. Ямов решился на отчаянный шаг.

– Я отгружу им заводозавод.

Он развернул корабль несмотря на протесты бортового

компьютера.

– Недопустимый маршрут! Недопустимый маршрут! – заладила система.

– Под мою ответственность! – рывкнул Ямов и подумал про себя, – Надо будет стереть ей память. Интересно, как это сделать.

Корабль вернулся к постаревшей на пятьсот лет Новой Земле спустя сутки после взлёта. Течение времени на планете и на борту синхронизировалось. Ямов с нехорошим предчувствием болтался на орбите и не решался приземлиться. Приборы не улавливали ни единого радиосигнала – подозрительно для планеты с передовой цивилизацией. И крошечная темнотища – отметил Ямов, пролетая над ночной стороной. Не похоже, чтоб люди построили здесь мегаполисы. Что ж, надо избавляться от Заводозавода. Начинаем посадку, а то вечер настанет.

– У них получилось? – воскликнул Ямов, когда корабль, продравшись сквозь облака, добрался к заданным координатам, – вот мой скалистый холм, но вокруг не мёртвая пустыня, а зелёный бушующий луг!

Корабль сел. Ямов осторожно выглянул из-за открывшейся двери и зажмурился от лучей закатного солнца. Конечно, это было никакое не Солнце, а Тау-1 Акробата, но Ямов не ощутил разницы, словно прилетел домой. Теперь дело за малым – активировать распаковку Заводозавода. Пожалуй,

это даже будет приятно – прогуляться по высокой траве в лучах заката. Ямов с удовольствием ступил на Новую Землю. Отстыкованный заводозавод сиял сталью, установленный на штатном месте, словно так и было.

Клевер по грудь. Цветки размером с кулак. Вот ведь как интересно прижилась земная культура. Почему бы не сорвать себе один цветок на память? Стемнело в минуту – всё вокруг словно окунулось в густые сумерки, и Ямову стало тревожно. Он поспешил обратно к кораблю, пока тот совсем не скрылся во тьме, но тут автоматика корабля зажгла прожекторы. Лучи осветили волнующееся на лёгком ветру бесконечное зелёное поле. Страх прошёл. Ямов вновь повернул к Заводозаводу.

Вдруг (показалось ли?) что-то пробежало в высокой траве. Ямов замер и прислушался. Вроде ничего. Снова прислушался. Тишина. И тут внезапно бутон, который приметил себе Ямов, свалился, как подкошенный. И что-то большое и бурое – кабан или медведь – зачавкало прямо под ногами. Ямов в ужасе попятился и тут же ощутил позади себя что-то мохнатое, словно наступил на огромного пса.

Ямов помчался. Разумом он как бы понимал, что бежит не к кораблю, а от него, но ничего не мог с собой поделать. В зарослях клевера он то и дело натыкался на неведомых монстров, и это придавало ему скорости. Ему казалось, а может и не казалось, что это чёртово стадо охотится на него. Вдруг одно из чудовищ бросилось Ямову под ноги. Он слишком

поздно заметил и распластался на земле. Чудище схватило его за одежду и подбросило в воздух. Ямов несколько раз перевернулся, а потом шлёпнулся оземь одновременно всеми частями тела, будто бы каждым своим органом без исключения.

– Чужак очнулся! – Две фигуры во мраке отшатнулись от Ямова. Они были жутковаты и чем-то неприятно пахли, но не проявляли агрессии, лишь молча глазели на пришельца. Ямов потихоньку привык к тусклому свету и осмотрелся. Очевидно, он был в пещере. Стены её освещались небольшим и вонючим костром. Горело не дерево, это Ямов понял сразу. То было сено и ещё какая-то дрянь – то ли шерсть, то ли кожа. Пещера была оборудована кое-какой мебелью преимущественно из бамбука. На такой же кровати лежал сам Ямов, а напротив него сидели эти двое – настоящие люди в одеждах из шкур и шерсти. Даже во мраке было видно, что эти люди не знали мыла и расчёски. Они так и смотрели на Ямова, ничего не спрашивая, а Ямов уже вдоволь нагляделся на скудные окрестности и решил наконец вступить в контакт с аборигенами.

– Где я?

– В пещере, – ответила одна из фигур, будто Ямов и сам этого не видел, и тут же спросила с нескрываемым любопытством, – а кто ты такой?

– Я не помню, – на всякий случай вполне натурально со-

врал Ямов.

– А я Серый. А это моя дочь Мария. Нравится?

Мария Ямову не нравилась, но хозяин ждал ответа. Ямов, стараясь никого не обидеть, произнёс:

– Не знаю... Темно...

Хозяин вскочил и метнулся к костру. Через мгновение он вернулся, держа голой рукой какую-то горящую шкуру.

– А так? Смотри! – он размахивал шкурой возле лица своей дочери

– Наверное, – стараясь быть вежливым, ответил Ямов.

– Женись! – тут же радостно вскричал хозяин, и Ямов понял, что пропал. За поясом хозяина он разглядел каменный топор на бамбуковой ручке. Топор был весь в запекшейся крови, Ямов готов был в этом поклясться.

– А может я за него ещё и не пойду! – вдруг фыркнула хозяйская дочка. Тоже... За первого встречного.

– Да ну тебя к Ямову! – закричал на неё отец, – дура! Иди вон и поддерживай огонь! – и в сердцах бросил горящую шкуру через всю пещеру в костёр.

– А кто такой Ямов? – выждав паузу, осторожно поинтересовался Ямов. Не спросить он не мог. Когда твоё имя упоминают в проклятиях, наверное, стоит выяснить на этот счёт побольше деталей.

– Кто Ямов? Видать, ты здорово башкой ударился! Ха-ха-ха!

– Просто я не местный... Вот и не знаю... Но кто же это?

– Смешной чужак! Чуть голову не потерял, а спрашивает такую чушь! Я бы на твоём месте переживал за то, куда делась твоя лошадь.

– У меня не было лошади.

– Ты что, шёл ночью пешком? Смешной! Тебя бы загрызли кролики!

Ответа на свой вопрос о Ямове Ямов так и не получил. Зато он вдруг сообразил, что на его груди сейчас предательски красуется его же собственная фамилия и как бы невзначай поднял руку, чтоб прикрыть нашивку.

Хозяйская дочка закончила что-то варить, с миской в руках приблизилась к Ямову и села.

– Что там? Чего ты прячешь? – вдруг спросила она.

– Ничего, – ответил Ямов, крепче схватившись за грудь.

– Болит? – нахмурилась девушка. – Покажи!

Она была так простодушна в своей заботе, что Ямов не нашёл в себе сил сопротивляться. Да и глупо. Однако, когда он, попросившись с жизнью, убрал от груди свою ладошку, ничего страшного не произошло. Девушка равнодушно взглянула на нашивку и несколько разочарованно, словно ожидала увидеть под рукой Ямова живого птенца произнесла:

– Что это?

– Ничего, – ответил Ямов.

– Тогда зачем прятать? – пожала плечами она и вернулась к огню.

«Она неграмотная!» – понял Ямов, и с души его словно

свалился камень.

Наевшись похлёбки непонятно из чего, а скорее всего из крольчатины и клевера, Ямов решил, что пора как-то прощаться и сваливать. Он поднялся и, словно прогуливаясь от нечего делать двинулся к выходу. Как назло, навстречу ему сей же миг попался хозяин с каменным топором за поясом.

– Крепкий же ты человек! Кролик тебя чуть не убил, а ты уже на ногах! – захохотал он. Ямов заметил, что взгляд хозяина равнодушно скользнул по нашивке с фамилией, как по ничего не значащему узору и окончательно уверился, что этим людям не знакома грамота.

– Ну, что, берёшь в жёны мою дочь?

Дочь как раз вышла из пещеры и кокетливо улыбнулась, обнажив отсутствие зубов до самых премоляров. Ямов не знал, что и сказать, а хозяин не особо дожидался ответа.

– Пойдём-ка, покажем тебя митрополиту! – На плечо Ямова хлопнулась огромная немытая ручища.

– Зачем?

– Только он может вас поженить.

«Наверное, ничего плохого не будет, если просто сходить поговорить», – решил Ямов, покосившись на окровавленный топор хозяина. Через минуту они уже сидели на скрипучей повозке, в которой угадывался стандартный транспортёр с борта миссии. С отломанной крышей, голыми ободами колёс и утерянными сидениями, но зато оборудованный оглоблями, в которые была впряжена вполне себе земная лошадёнка.

Ямова так и подмывало разузнать побольше о судьбе миссии, а тут такой повод!

– Что это за чудесная повозка? – поинтересовался он, словно решил завязать дружескую беседу.

– Это? А! Это подарок небес, – ответил хозяин и умолк, словно этой короткой фразой дал более чем исчерпывающий ответ.

– Как это подарок с небес? – Ямов настойчиво требовал уточнений.

– Как-как! – передразнил хозяин и посмотрел на Ямова так, словно вот-вот передумает выдавать свою кровиночку за такого дурака. – Ты не знаешь истории сотворения мира? Как Ямов изгнал человеческий род с неба?

– Кто?

– Тфу ты, дурак на мою голову.

Тут Ямов почувствовал, что как-то причастен к этой мифологии и осторожно спросил:

– Ямов это бог?

– Ямов это долболётчик!!! – вскричал хозяин.

И пещерный житель наконец поведал Ямову историю о том, как много лет назад человечество жило на небе, и жизнь была счастлива и прекрасна, и люди не знали ни болезней, ни войн. И вот однажды они решили спуститься с небес вниз, видя, как прекрасна земля, и взяли с собой каждой твари по паре, и каждого стебля по репродуктивному образцу, и Заводозавод, что вмещал в себя всю мудрость мудрости. И вот

люди сошли на землю, и радовались, и стремились начать новую жизнь, но был среди них чёрный сердцем и глупый умом Ямов, что решил украсть у людей мудрость, ибо сам был дурак, и вернуться на небо, и так и сделал. И поняли люди, что он вернётся лишь как только у него хватит на это ума, но не будет ему прощения во веки веков. И за подлость и глупость его должно называть не Ямов, а Долбоямов. Долболётчик Долбоямов на своём долболёте!

Этот рассказ позволил Ямову понять принципы окружающего его мира и сделать соображения относительно ближайших планов. По дороге он заметил скалистый холм, возле которого накануне приземлился, и уже обдумывал варианты добраться до корабля, но при этом не достаться кроликам.

Погружённый в мысли, Ямов не заметил, как въехал в город, высеченный в песчанике, и вошёл в храм, очевидно сделанный из грузового ангара, что когда-то доставил на эту планету животных или растения. Весь в мыслях о побеге он и предстал перед митрополитом.

Митрополит был одет почище своих соплеменников и даже производил впечатление интеллигентного человека. На его носу сидели очки, впрочем, без стёкол, а голову венчала выцветшая каскетка из тех, что носил рабочий персонал миссии. Митрополит очень удивился, издаля увидев ямовский комбинезон. Оставив свиту, он подошёл ближе и вперился в лицо Ямова, словно что-то мучительно вспоминая.

Глядел так и сяк, анфас и в профиль. Ничего не вспомнив, он развернулся и отправился было восвояси, как вдруг замер, снова резко подскочил к Ямову и ткнул старческим пальцем в нашивку на груди пришельца.

– Ямов! – только и выдохнул митрополит.

– Ямов? – прокатилось по толпе.

Митрополит ринулся к алтарю и дрожащими руками указал собравшимся на то ли икону, то ли картину, на которой очень даже похожий на себя Ямов похищал у несчастных людей Заводозавод.

– Братья и сёстры! – возвещал митрополит, указывая каменным топором на Ямова, – Настал великий час возмездия! Гром без грозы, что мы слышали вчера, как и пророчило предание, был предвестником возвращения Долболётчика Ямова! И вот он перед вами, подлец, укравший нашу мудрость! Вернулся, как только у него хватило мозгов, чтоб заплатить за свои грехи!

– Это всё неправда! – орал Ямов, которому было нечего терять, – Да, я Ямов, и я пришёл с неба и принёс вам небесные дары! Потому что я люблю вас!

От такого заявления рука митрополита остановилась.

– О, святейший! Это правда! – из толпы раздался по-военному зычный голос, – В месте, куда вчера ударила молния, выросла блестящая гора, наши воины утром видели её.

– Это и есть мой дар вам, о люди! – надрывался Ямов, –

Потому что я люблю вас, ибо все вы дети мои!

Ямова пока не казнили. Связанным и перекинутым поперёк лошади его повезли к месту посадки корабля. Ехали молча. Ямов ощущал на себе недобрые взгляды. Он старался держаться, как подобает божеству, но где вы видели божество, лежащее кверху задницей на лошадиной спине? Из высокого клевера то и дело выскакивали кролики размером с овчарку и пытались схватить свисающего Ямова. Ямов каждый раз испуганно вскрикивал, вызывая дружный хохот всадников.

Подъезжая к кораблю и Заводозаводу, аборигены всё больше робели. Наконец процессия остановилась, и Ямов извернулся, вися на лошади, чтоб максимально по-божественному обратиться к публике.

– Развяжите меня! – крикнул он строго. Его развязали. Ямов решил отыгрывать бога до конца. Он проследовал к Заводозаводу, повернулся к народу, принял предводительскую позу и воскликнул:

– Сезам, откройся! – с этими словами он приложил к кардридеру свой пропуск. Ворота немедленно открылись. Заводозавод принялся разворачиваться. Поражённые зрелищем, новоземляне попадали ниц. Ямова больше никто не стерёг и тот неспешно – богу не пристало торопиться – проследовал к кораблю. Первое, что он сделал, поднявшись на борт – задраил люк.

– Система! Выведи меня на внешние динамики! – скоман-

довал он.

– У нас нет внешних динамиков, – ответила система, – вы можете связаться с наземными службами посредством радиосвязи.

Ямов выругался. Как взлетать, чтоб не покалечить никого? Пришлось снова раздраить люк. Ямов встал на пороге и сложил руки рупором:

– Слушайте меня, люди! Идите в храм, и пусть каждый принесёт мне по... (надо было немедленно придумать, что) по частице святой земли (Ямов мысленно скривился от собственной глупости). Идите немедленно, и... Я люблю вас! – тут он немного дал петуха, но на его божественный авторитет уже ничего не могло повлиять. Повторять не потребовалось. Преимущество быть богом в том, что как минимум в таких несложных поручениях никто не спрашивает, что за чем и почему. Корабль взлетел, как только народ разбежался со взлётной площадки.

– А дальше не моя забота, – сказал себе Ямов, когда Новая Земля стала целиком уместаться в его иллюминаторе.

Прошло 500 лет. А на корабле Ямова прошло двадцать четыре часа, которые он потратил в поисках способа стереть записи о своих приключениях из памяти корабля.

– Приступаю к снижению, – сообщила система, – курс – координаты номер один. Несчастный компьютер не ведал, что Ямов уже приговорил его либо к сожжению, либо к

утоплению. Снова ни радиоследа, ни ночных огней, отметил Ямов, сделав круг по орбите. Так даже лучше. План его был прост: сжечь дотла корабль и трое суток прожить во временном модуле, пока по графику сюда не придут десять миллиардов «старых землян». Уверенный в безупречности своего плана, Ямов не удосужился даже выглянуть в иллюминатор, прежде чем открыл люк. Его ждал сюрприз.

Благодарные потомки, пятьсот лет назад получив от Ямова Заводозавод и массу впечатлений, полюбили своего нового бога и сочинили о нём новые легенды о том, что однажды он обязательно вернётся, как только «новые земляне» достигнут соответствующего уровня мудрости. Место высадки Ямова стало священным. Днём и ночью там в высокой траве дежурили монахи, что в молитвах и смирении ожидали нового пришествия. Радостные, они оказались у люка, из которого должен был появиться Ямов чуть ли не до того, как корабль успел приземлиться.

Сам не понимая, как, Ямов очутился в палантине – такое слово вспомнилось ему, хотя, конечно, это был никакой не палантин, а балдахин. Его несли во главе шумной процессии, и отовсюду раздавались крики: «Он вернулся! Ямов вернулся!» Ямова встретил митрополит – похожий на старого, только в ещё более полинялой каскетке. На груди его висели украшения из микросхем, нанизанных на провода от какой-то техники. Вскоре Ямов снова очутился на вершине горы, где, кто бы мог подумать, всего каких-то двадцать четы-

ре часа или пятьсот лет назад его собирались казнить на потеху разъярённой толпе. Ямов подарил народу свой корабль, а что произошло дальше, митрополит поведал «старым землянам» на суде.

– Ваша честь, я прошу приобщить к материалам дела дневник капитана Гагаринова, – обвинитель продемонстрировал истлевшую тетрадь.

Судья согласился, защита не возражала, а Ямов вдруг отчего-то напрягся. Пользуясь отсутствием порядка, он громко возмутился:

– В чём дело? Что это за документы? Какое они имеют отношение?

В публике прокатился шёпот негодования. Обвинитель, извиняясь, принялся объяснять:

– У... Уважаемый суд! По инструкции на случай провала операции экипаж должен был предусмотреть любую возможность передачи информации грядущим поколениям. Один из таких способов – физическим образом в условленных координатах. Данная тетрадь была зарыта на вершине ориентира – скалистого конусного холма, который по проекту освоения планеты должен был остаться нетронутым на протяжении тысячи лет. Журнал содержит записи начиная с первого дня освоения Новой Земли и до кончины капитана Гагаринова тридцать три года спустя. В конце своей жизни капитан подытожил свой труд кратким посланием к нам.

– Откуда нам знать, что это не подделка? – взвился Ямов, – Зачем ему было вести журнал?

– По инструкции, – ответил обвинитель, – и, потом, зачем кому-то подделывать? А подлинность документа подтвердила экспертиза. Ваша честь, я прошу позволения зачитать это послание.

Судья разрешил.

Мы высадились на Новой Земле, назвав этот день первым днём первого года Новой эры. Воодушевлённые, мы с нетерпением желали поскорей обжить этот прекрасный новый мир. По-братски мы простились с пилотом Ямовым. Участь его была незавидной: мы, его друзья, прощаясь с ним навеки, теряли друга. Он же терял всех своих друзей, ведь, вернувшись через тысячу, лет он встретит лишь наших далёких потомков.

Сейчас не вспомнить, кто первый заметил, как медленно корабль поднимался в небо. Мы подозревали самое худшее – на корабле поломка, и пилоту Ямову может грозить катастрофа. Как же мы обрадовались, поняв, что он всего лишь позабыл отгрузить Заводозавод, а значит, ему ничего не угрожает. Рассчитывая, что он, обнаружив оплошность, вскорости вернётся, мы беспечно состязались друг с другом в остроумии, радуясь возможности неожиданной встречи после грустного прощания.

Увы, Ямов не возвращался. Через некоторое время мы

увидели в вечернем небе следы межгалактических двигателей – корабль перешёл на световую скорость. Это означало только одно: те несколько минут, в течение которых наш друг обнаружит причину медленного старта (а он обязан сделать это по инструкции), станут для нас неделями. Огорчённые, мы совершенно растерялись. Одинаковый страх поселился в сердце каждого из нас. Начинать освоение Новой Земли без Заводозавода невысказано, а не начинать – губительно.

В качестве временной меры мы приняли решение засеять площадь в два гектара образцами клевера. В дальнейшем запахав его, мы обогатим почву (будущую почву!) азотом. Стоит ли говорить, насколько трудна была эта задача в отсутствие механизмов и оборудования, что остались на Заводозаводе. Прошёл сезон, но Ямов так и не возвращался. Запасы наших сухих пайков истощались, и нужно было задумываться о самостоятельном земледелии и животноводстве. Мы снова засеяли клевер и выпустили в него пару кроликов из нашего ковчега.

Прошли годы. Мы героически обживали молодую планету. Насколько это было возможно, мы посадили все наши образцы растений и выпустили животных. Условия планеты подошли не каждому виду, и спустя тридцать лет можно сказать, что этот мир был идеален для кроликов и клевера, но враждебен для человека разумного.

Планета, на миллионолетия моложе Земли, не могла поделиться с нами углём, нефтью и другими ископаемыми, что

знали наши деды. Лишённые промышленности, мы были обречены на деградацию. Ах, Заводозавод, ты сделался прекрасной легендой, мифом, в котором подлый Ямов украл тебя у человечества. Мы быстрее окончим свой род, чем возрастим в этом мире земную промышленность в ближайший миллион лет.

Вы, возложившие на нас великую миссию покорения этого нового мира, простите нас. Тысяча лет, отведённая нам, пройдёт даром. Вы придёте в ещё более суровый мир, чем наша родная Земля.

В зале воцарилась тишина. Обвинитель немного помолчал, а потом добавил:

– Неподалёку от места захоронения дневника капитана Гагаринова был также обнаружен ещё один предмет. Это был ящик с корабля миссии. По маркировке – контейнер с личными вещами пилота Ямова. В нём находилось сорок бутылок вина земного производства, датируемых XXIII столетием от рождества Христова...

От своего последнего слова Ямов отказался.

Подпишитесь на новинки автора [здесь](#), а на телеграм-канал [здесь](#).